

Место веры или центр услуг? Как московские православные выбирают храм

Ярослав Константинович Куксин ^[1]

✉ kuksinyk@my.msu.ru

ORCID: 0009-0004-0749-5568

^[1] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Куксин, Я. К. (2024). Место веры или центр услуг? Как московские православные выбирают храм. *Фольклор и антропология города*, VI(3), 30–55. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-30-55.

В статье на примере православных храмов проблематизируется выбор храма москвичами. Выделяя факторы значимости церквей для прихожан и дифференцируя различные виды услуг при храме, автор рассматривает храм в трех измерениях: социальном, средовом и информационном. В процессе исследования автор отвечает на вопрос о причинах готовности части москвичей предпочитать удаленный от дома приход храму в шаговой доступности. Статья основывается на эмпирических данных, собранных автором в ходе полевых исследований в семи московских приходах в 2022–2023 годах. Наиболее значимыми факторами выбора храма оказываются производные от социальных практик личность священнослужителя, атмосфера в приходе и приходская община. Географическое положение храма и качество окружающей среды определяют различия в локализации приходских общин. Анализируя разнообразие внебогослужебных услуг при храмах, автор показывает малозаметный большинству горожан процесс перекройки границ религиозного и профанного и призывает изучать храмы как индикаторы этих изменений.

Ключевые слова: религия, факторы выбора храма, приходские общины, центр, периферия, Русская Православная Церковь, Москва

Автор выражает сердечную благодарность научному руководителю Марии Савоскул за помощь в работе.

Place of faith or service center? How Moscow's Orthodox Christians choose a church

Yaroslav K. Kuksin ^[1]

✉ kuksinyk@my.msu.ru

ORCID: 0009-0004-0749-5568

^[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

To cite this article:

Kuksin, Y. (2024). Place of faith or service center? How Moscow's Orthodox Christians choose a church. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(3), 30–55. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-30-55. (In Russian).

This article examines the problem of church selection among Moscow residents, using Orthodox churches as an example. By highlighting the factors that make churches significant for parishioners and analyzing the various types of services offered by churches, the author considers the church in three dimensions: social, environmental, and informational. Through the course of the research, the author answers the question of why some muscovites are willing to prefer a distant church over one within walking distance. The article is based on empirical data collected by the author during field research in seven Moscow churches in 2022–2023. The most significant factors in choosing a church are those which derived from social practices: the personality of a priest, the atmosphere in the church, and the parish community. The geographical location of the church and the quality of the surrounding environment determine differences in the localization of parish communities. By analyzing the variety of non-liturgical services provided by churches, the author reveals a subtle process, unnoticed by most city residents, of redrawing the boundaries between the religious and the secular, and calls for studying churches as indicators of these changes.

Keywords: religion, factors of church selection, parish communities, center, periphery, Russian Orthodox Church, Moscow

[А что вам нравится в храме?] Атмосфера. Ну это как дом. Если ты приходишь в больницу — ты чувствуешь, что ты в больнице. Создается атмосфера в любом месте. В школе ты в школе, в МГУ — в МГУ. Это жизнь. В данном случае храм становится жизнью. Жизнь храма — это жизнь твоя¹.

Какая она — жизнь современного московского прихода? Представим экскурсию по православным храмам столицы: от барокко и узорочья центра города до новых храмов вблизи МКАД. Какой образ сложится в голове туриста-обывателя? Есть небольшие храмы, куда по воскресеньям приходят сотни молодых людей, а есть новые, массивные, куда в праздник придут десять пожилых прихожанок. В одних приходах есть широчайший набор услуг — от курсов английского и кино клубов до благотворительных пробежек и уроков дайвинга, другим важно в принципе сохранить литургию. Однозначно характеризовать «жизнь храма» в современном крупном городе даже у интересующегося человека получится едва ли. Найдется ли ответ в научной среде?

Проблема взаимодействия жителей городов и религии в разных ее проявлениях интересует социальных исследователей уже более сотни лет. По мере активизации процесса урбанизации, появления и описания «нового», городского образа жизни (см., например, [Зиммель 2018; Вирт 2016]) в начале прошлого века и до настоящего момента представители разных научных школ и дисциплин в разных ракурсах видели общую проблему места религии в крупных городах. Единого понимания подобных процессов, феноменов, практик нет (и, вероятно, не может быть) и в современной научной среде: актуальны дискуссии о секуляризации или де/постсекуляризации общества (в том числе в городах), о «традиционной» или «вернакулярной» религиозности и пр. Не ставя задачу обобщения этих исследований, отметим, что сравнительно скромное место в этом обсуждении занимает изучение религиозных объектов города как воплощения религии и религиозности. Еще меньшее число работ посвящено поиску связей этих объектов с другими социальными, пространственными и прочими феноменами. В настоящей работе мы попробуем частично заполнить эту лауну и посмотреть на православные храмы Москвы как на полноправные субъекты городской повседневности.

Ключевую исследовательскую проблему можно сформулировать следующим образом: почему N-ная часть православных москвичей предпочитает посещать богослужения в отдаленных от их дома частях города, а не ходить в наиболее территориально близкий храм, и как вообще происходит этот выбор? Из этого вопроса немедленно следует еще один: какими свойствами должен обладать храм, чтобы привле-

¹ Ж., 1981 г. р., храм Космы и Дамиана в Шубине.

каль москвичей из разных частей столицы? Еще в 1918 году подобные вопросы едва ли могли быть заданы учеными того времени: приходские общины в Российской Империи вплоть до момента ее распада формировались преимущественно по территориальному принципу², а транспортные, экономические и институциональные ограничения не могли позволить простому мещанину поехать на литургию в противоположную часть города. Более того, весьма вероятно, что гипотетический мещанин (как и, например, современный экономист) задался бы вопросом: а зачем, собственно, тратить деньги, силы и время на дорогу до воскресной службы в храме со схожими архитектурой, иконами, обрядами и даже текстом литургии? Разве способен homo economicus на столь лишенное *ratio* поведение?

Сама идея проведения исследования с целью ответить на эти вопросы возникла из обывательского опыта автора (воцерковленного православного христианина). Регулярно посещая различные московские приходы, я заметил, что зачастую последние привлекают прихожан из других районов города, далеких от храма, и что нередко за этими предпочтениями в выборе храма стоят обоснованные мотивы. Будем считать эти два факта — существование перемещений и их осознанность и мотивированность — за изначальное допущение работы.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И МОСКВИЧИ: КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего необходимо кратко обозначить контекст, или среду, в которой православные храмы существуют в настоящее время. Ключевым в этом отношении является вопрос религиозности и воцерковленности населения, ходящего или способного прийти в храмы города на службы, и политика РПЦ по отношению к их строительству и содержанию. Фиксируемый в опросах общественного мнения высокий уровень православной самоидентификации³ нередко является атрибутом национальной идентичности и не связан с посещением храмов [Забаев, Пруцкова 2013a]. Так, в ночной пасхальной службе 2023 года приняло участие около 600 тысяч жителей столицы⁴, т. е. менее 5% населения города, а на регулярные воскресные службы ходит не более 3% россиян⁵. Специфика участия горожан в церковной жизни обусловлена (помимо прочего) 70-летним сосуществованием религии с советской властью, в той или иной мере преследовавшей прихожан храмов. В то же время в Москве уже 12 лет действует программа РПЦ и Правительства Москвы «200 храмов», в ходе которой «построены

² Цыпин, В. А. *Церковное право. Часть III. Органы церковного управления. Приход в Русской православной церкви. Приходской устав Поместного Собора 1917–1918 гг.* [http://odinblago.ru/kanonika/cipin_cerkovnoe_pravo/152/].

³ <http://surl.li/cvonwv>

⁴ <https://ria.ru/20230416/paskha-1865676166.html>

⁵ <https://www.levada.ru/2023/05/16/religioznye-predstavleniya-2/>

или находятся на разных этапах строительства 134 из 200 запланированных храмов» (Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 22 декабря 2022 года⁶). На 1 декабря 2022 года в Москве насчитывалось 1227 храмов и часовен, в 549 из которых литургия проходила не реже раза в неделю⁷. Таким образом, при несущественной динамике доли воцерковленных число православных храмов Москвы существенно растет, что находит отражение в изменении отношения к последним со стороны горожан, например, в форме городских конфликтов.

Храм в городском пространстве: многообразие подходов

Существует несколько принципиально разных подходов к исследованию храмов в городском пространстве. Тимур Мухтасаров предлагает типологизировать их «в соответствии с тем, какой непосредственный аспект церковного здания интересует исследователя» [Мухтасаров 2017: 278], выделяя пять подходов: пространственный, социологический, исторический, теологический и экономический. Для нашего исследования наиболее близкими оказываются первые два подхода, объединяющие социологов, архитекторов, географов и антропологов в попытках «интегрировать социологическое и географическое воображения» [Harvey 2009]. Так, поиску факторов формирования приходских общин [Забаев, Пруцкова 2012] и их пространственной локализации [Забаев, Пруцкова 2013b] посвящены работы исследователей семинара Социологии религии ПСТГУ (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет). На опросных данных по православным храмам г. Москвы авторы показывают частичное сохранение значимости фактора пространственной близости храма для прихожан, а среди факторов формирования «сильной общины» отмечают личность священнослужителя, число священнослужителей и местоположение храма как наиболее значимые [Там же].

Попытки характеризовать место православных храмов в арктических городах были предприняты и антропологами: на примере города Полярные Зори А. С. Давыдова показывает роль планировочного фактора, значимость окружающих природных ландшафтов для местоположения храма и указывает на связанность образов церкви и градообразующего предприятия, ее построившего [Давыдова 2014]. В другой работе, на примере городов Полярные Зори, Кировск и Апатиты, этнограф подчеркивает связанность культурного пространства города с церквями, отмечая значение «места храма» и описывая процесс наделения его смыслами [Давыдова 2016].

⁶ <http://www.patriarchia.ru/db/text/5985883.html>

⁷ Там же.

В рамках human geography⁸ исследователи заходят дальше, рассматривая храмы во взаимодействии с пригородом мегаполиса и характерным для него процессом секуляризации [Dwyer et al. 2013], христианские религиозные объекты как места адаптации и интеграции мигрантов [Ley 2008], взаимосвязи ландшафта мегацерквей с их практиками и теологией [Bratton 2016], храмы как одновременно светские и сакральные пространства [Kong 2002], связь храмов с политикой и государственностью [Kong 1993] и др. Так, Клэр Дуайер с коллегами показывают на примере Лондона, что храмы в пригороде мегаполиса могут быть типологизированы в соответствии со свойствами окружающих территорий, в частности, с транспортными потоками и маршрутами, таким образом демонстрируя «географию, которую трудно нанести на карту» — смесь локализованных религиозных групп и разветвленных религиозных сетей, выходящих за пределы британской столицы [Dwyer et al. 2013]. Лили Конг одной из первых проблематизировала (на примере Сингапура) конфликты вокруг храмов, связанные с государством и городскими властями [Kong 1993], что позднее трансформировалось в относительно популярную тему — исследование городских конфликтов вокруг храмов (см., например [Isin, Siemiatycki 2002; Dunn 2005; Cesari 2005; Kupping 2014 и др.]).

Для ответа на интересующие нас вопросы о причинах и характере религиозной мобильности прихожан московских храмов мы попытались объединить эти интуиции, посмотрев на православные конгрегации в городе через призму культурных черт (cultural trait) Джулиана Хаксли [Huxley 1955]: социофактов, артефактов и ментифактов, взаимосвязанных между собой. Для этого мы предлагаем исследовать храмы в трех разных, но взаимосвязанных измерениях: социальном, средовом и информационном. Под артефактами (средовое измерение) в контексте храмов мы будем понимать непосредственно их здания, окружающие храм объекты и географическое положение, под социофактами (социальное измерение) — институт и структуру приходской общины, под ментифактами (информационное измерение) — образ храма в информационной среде⁹.

АРХИТЕКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Главный источник информации о храмах и метод сбора данных в настоящей работе — социологический опрос. Автор опрашивал прихожан московских храмов у выхода с их территории (полуструктури-

⁸ Human geography — англоязычный аналог социально-экономической/общественной географии в России. Данный раздел географии включает различные направления исследований территориальной организации общества и противопоставляется физической географии, изучающей прежде всего природные процессы и явления.

⁹ Финансовый словарь проекта «Финам» [<https://www.fnam.ru/publications/section/dictionary/>].

рованное интервью)¹⁰ и распространял анкету через знакомых прихожан методом «снежного кома» (online-анкетирование)¹¹. В задачи опроса входило выявление факторов выбора храма прихожанами, оценка географического контекста жизни приходских общин и связи храма с окружающим районом. Тип выборки: целевая многоэтапная. На первом этапе происходил отбор храмов, на втором — самих респондентов. Так как предмет нашего исследования — непосредственно храмы, а не их приходские общины, при отборе первых мы брали во внимание в первую очередь пространственный и экологический критерии. Так, в нашей выборке (7 приходов) были отобраны храмы: с разным типом городской среды окружающего храм района (критерий 1)¹², с разным «типом градостроительной ситуации размещения храма» (критерий 2)¹³, с разной удаленностью от центра города (критерий 3), с разным режимом доступа¹⁴ (критерий 4) и размером приходской общины (критерий 5)¹⁵. В то же время мы старались соблюдать баланс между храмами с преобладанием молодежи и пожилых прихожан. Объем выборки — 248 респондентов. В ее структуре повышенная доля женщин (80%), что отчасти отражает структуру генеральной совокупности (по наблюдениям автора, во всех исследуемых храмах число женщин существенно превышало число мужчин; «Как мы привыкли? Православная Церковь — это бабушки в платочках»¹⁶), преобладают респонденты с высшим образованием (75%), распределение возраста респондентов относительно равномерное по категориям (с минимумами в группах 26–30-летних и людей старше 70 лет). Процент отказов при очном интервьюировании относительно низкий — порядка 50%. Методологические ограничения исследования обусловлены самим выбором метода социологического опроса, связанным с навязыванием респонденту повестки разговора и выбором ответов из числа предложенных (в случае закрытых вопросов). Выбор данного метода был обусловлен сложностью объекта исследования и необходимостью охватить обширную разнородную территорию, что исключило возможности использования только качественных методов исследования. Нивелировать недостатки каждого из них мы пытались за счет комплексного их использования.

¹⁰ Данный метод использовался при опросе прихожан храмов Космы и Дамиана в Шубине, Антипы в Колымажном дворе и Собора Московских святых в Бибирево.

¹¹ Данный метод использовался при опросе прихожан храмов св. мч. Татианы при МГУ, Георгия Победоносца в Коптево, Покровского храма Марфо-Мариинской обители милосердия и Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе.

¹² Здесь были использованы типы городской среды по районам Москвы, выделенные исследовательской командой МИСКП на основе социологического опроса, репрезентативного по административным районам г. Москвы [Пузанов, Степанцов 2015]. Типология включает 5 типов городской среды.

¹³ Здесь была использована типология храмов, описанная в кандидатской диссертации Ю. Э. Саратовской [Саратовская 2000] и дополненная автором. Типология включает 4 типа градостроительной ситуации размещения храма.

¹⁴ Имеются в виду храмы при больницах, университетах, режимных объектах и т. п.

¹⁵ Оценено автором.

¹⁶ Ж., 1960 г. р., храм Космы и Дамиана в Шубине.

Также в ходе «полевой» части исследования мы использовали метод включенного наблюдения (автор принимал участие в богослужениях перед началом каждого полевого опроса) и провели два экспертных интервью — со священнослужителем одного из исследуемых храмов и с активисткой, выражающей протест против строительства храма в Афганском парке.

Важный камеральный этап работы — контент-анализ интернет-сайтов и социальных сетей православных храмов Москвы. Первоначально было отобрано 412 храмов, где богослужения ведутся чаще двух раз в неделю и доступ куда имеют все горожане. Для этих храмов мы проанализировали наличие и разнообразие прихрамовых внебогослужебных услуг и информации о них в сервисе Яндекс.Карты.

Отметим, что территориальный охват настоящего исследования ограничивался не административными границами Москвы, а территориями внутри МКАД. Храмы Новой Москвы и пригороды столицы требуют отдельного рассмотрения в силу расселенческой и организационной специфики; под «московскими храмами» в работе мы будем понимать исключительно приходы, расположенные внутри МКАД. Проецировать и экстраполировать результаты исследования на другие территории и на всю территорию Москвы следует весьма ограниченно и осторожно, а выявленные закономерности нуждаются в верификации на большей выборке и массиве качественных данных.

Все интервью и контент-анализ проводились с декабря 2022 года по апрель 2023.

ФАКТОРЫ ВЫБОРА ХРАМА ПРИХОЖАНАМИ

Поставленная во введении проблема имплицитно вменяет православным москвичам роль «выбирающих», т. е. действующих рефлексивно, осознанно и рационально. Говоря о рефлексивности и осознанности, мы подразумеваем, что люди, регулярно посещающие храмы (77% выборки ходят раз в неделю и чаще) и тратящие на дорогу более получаса (53% выборки), т. е. игнорирующие географически более близкий храм, имеют на это определенные основания (мотивацию), которые мы попытались вычленивать при помощи, прежде всего, двух открытых вопросов: «Что для вас важно в храме в общем и целом?» и «Почему вы ходите именно в этот храм, а не в более близкий?». Вопросы были оставлены открытыми, чтобы ограничить исследователя в возможном конструировании и навязывании ответов, а второй вопрос оставлял респонденту возможность не «выявлять факторы», а ответить о причинах, не связанных с продолжительным перебором альтернативных храмов (например, в связи с работой в храме родственника или близостью к дому, важной с точки зрения возможностей здоровья). Таким образом, для нас не так важно, был ли в жизни респондента опыт рефлексивного поиска «своего» храма по набору параметров (которые мы выявляем), но принципиально, что любой опыт посещения храма

подразумевал наличие мотивации, позволившей респонденту прийти именно в этот храм именно в этот день.

Это допущение, с одной стороны, дискуссионно и ограничивает нас методологически, но, с другой стороны, позволяет посмотреть на ситуацию поиска и посещения храма с позиций экономической науки, то есть как на поиск товара на рынке. Храм, таким образом, выступает как центр оказания услуг, в определенной мере даже имеет смысл говорить о спросе и предложении, т. е. о факторах значимости храма и прихрамовых услугах соответственно. Схожую логику при выборе «своего» священнослужителя (являющегося, как мы увидим ниже, главным фактором значимости храма) мы наблюдаем в экспертном интервью:

Каждый из нас выбирает себе врача, адвоката [смеется], юриста... почему бы не выбрать священника? А потом — очень много зависит от священников, потому что, я повторяюсь, люди сейчас выбирают скорее священников. И я считаю: это очень хорошо! Потому как никто вам не может навязывать кардиолога, если вы считаете, что он не очень хороший врач, и вы себе выбираете другого, и правильно делаете — так же люди выбирают священника¹⁷.

Таким образом, мы предлагаем рассмотреть выбор того или иного храма для посещения (в том числе — выбор храма вдали от дома) как обусловленный конкретной мотивацией, которую тут и ниже мы будем называть *фактором значимости*.

Выбор культурных черт (Хаксли) в качестве рабочих концептов и трех измерений храма как инструментария для их исследования обусловлен интуициями, переросшими в гипотезы: о значимости географического положения храма (H1), окружающей его городской среды (H2), характеристик общины (H3) и священнослужителей (H4), традиций богослужения (H5) и внебогослужебной деятельности (H6) при выборе храма прихожанами. Факторы значимости операционализировались при помощи открытого вопроса «Что для вас наиболее важно в храме?»¹⁸; наиболее популярными оказались факторы личности священнослужителя (79%), атмосферы в храме (69%) и приходской общины (48%). Женщины несколько большую роль отводят близости к дому, священнослужителям, внутреннему убранству; мужчины — атмосфере, прихожанам, традициям храма, однако большинство различий не выходит за пределы статистической погрешности. С возрастом растет значимость фактора личности священнослужителей; среди наиболее пожилых людей закономерно увеличивается важность близости к дому: «У меня на первом месте здоровье, вот»¹⁹. Среди молоде-

¹⁷ Священнослужитель, 1962 г. р.

¹⁸ Как мы писали выше, респондентам задавались 2 вопроса: «Что для вас важно в храме в общем и целом?» и «Почему вы ходите именно в этот храм, а не в более близкий?». Ответы на них были идентичными, в связи с чем в таблице и тексте (для большей простоты понимания) мы оставили только один из них.

¹⁹ Ж., 1950 г. р., храм Собора Московских святых в Бибирево.

жи 26–35 лет выделяется небольшая группа людей, часто меняющих храмы, в том числе в поисках партнера в личной жизни:

[Что вас мотивирует не ходить в храм возле дома?] Что уж скрывать? Надежда встретить половинку. Потому что здесь все-таки молодежи побольше. Я бы ходил в ближайший в Новых Черемушках — но там молодежи совсем нету²⁰.

Эти молодые люди нередко концентрируются в храмах с омоложенной возрастной структурой (в нашей выборке — Антипы Пергамского и Космы и Дамиана в Шубине), формируя крупные приходские общины с широким набором внебогослужебной деятельности, что нередко привлекает и более возрастных прихожан:

Мне очень здесь атмосфера нравится, здесь одна молодежь. Причем молодежь творческая, интеллигентская. Почему молодежи много? Тут изначально храм от творческих профессий, актеров, режиссеров, я вот, скажем, писатель. Вон, иконописка идет, вон идет скульптор. Вот те барельефы — его рук дела. Дело в том, что тут сильная ротация, тут 95% людей я уже не знаю, все новые, новые. Старые есть, но мало, исчезают. <...> Там бабки... А тут... вот идет актриса! Очень много красивых людей. Они все молодые — я старый. Но я радуюсь!²¹

В остальном структуры ответов идентичны во всех возрастных когортах. Уровень образования и частота посещения церкви также практически не дифференцируют факторы значимости храмов. Несколько меньшую значимость среди людей с высшим образованием имеют близость к дому и внутреннее убранство храма, большую — прихожане и особые традиции; в этой группе появляются факторы намоленности и пения. Люди, приходящие в храм регулярно, меньше отмечают значимость атмосферы храма, что может быть связано с рутинизацией приходской жизни, и чаще говорят о значении прихожан и святынь, что может объясняться большей степенью интеграции в жизнь и деятельность общины и усиленной сакрализацией святынь «своего» храма.

Большой интерес представляет взаимосвязь времени в дороге до храма и факторов значимости: чем дольше москвичи добираются до своих приходов, тем менее значимы для них близость к дому и внутреннее убранство и тем более важны факторы атмосферы, священнослужителей, традиций и прихожан, т. е. именно последние, по всей видимости, способны мотивировать людей ехать в храм вдали от дома (см. Табл. 1). Фактор близости к дому — наиболее изменчивый, теряющий силу при доминировании более значимых (священнослужители, атмосфера, прихожане и пр.), за исключением пожилых людей, для которых первый нередко выступает определяющим в связи с возможностями здоровья. Чем больше возраст респондента и чем чаще он ходит в храм, тем больше вероятность, что храм окажется относительно недалеко от его дома.

²⁰ М., 1973 г. р., храм Космы и Дамиана в Шубине.

²¹ М., 1960 г. р., храм Антипы Пергамского.

Табл. 1. Зависимость факторов значимости храмов и времени в пути до храма (% по столбцу, N=240). Источник — социологический опрос автора

Tbl. 1. Churches significance factors dependence on travel time to the church (% by column, N=240). Source — the author's sociological survey

	Менее 15 минут	15-30 минут	30-45 минут	45-60 минут	Более часа
Священно-служители	74%	75%	84%	90%	75%
Атмосфера внутри храма	59%	79%	72%	69%	70%
Прихожане	33%	38%	56%	63%	65%
Близость храма к дому/учебе/работе	44%	25%	12%	8%	0%
Особые традиции храма	18%	25%	16%	18%	30%
Внутреннее убранство храма	5%	17%	11%	6%	0%
Намоленность	8%	2%	5%	0%	0%
Пение	0%	4%	5%	6%	0%
Расположение в храме святынь	2%	8%	2%	0%	0%

Таким образом, ключевые факторы значимости храма — священнослужители, атмосфера внутри храма и прихожане — относительно стабильный набор переменных, объединяющий прихожан с разными социально-демографическими характеристиками и мотивирующий к игнорированию критерия географической близости. Личность священнослужителей в наибольшей мере определяет подобное поведение и в то же время соотносится с результатами других исследований [Забаев, Пруцкова 2012, 2013b] и экспертным интервью:

Это уже скорее практика такая в Москве, что люди, верующие православные, выбирают себе скорее священника, приход, по каким-то позициям, соображениям. Но прежде всего если священник внимательный, если он... как сказать... Доступен, согласен какое-то время тратить на общение с прихожанами — это очень важно для людей. А кроме того — если позиции совпадают по каким-то важным вопросам, все больше и больше. Я бы сказал, что последние полгода вот это определяет очень много <...> В этом смысле: храмы, куда мало народу ходит, иногда это бывает именно по этой причине, клир не смог, как сказать, заслужить доверие людей²².

Соответственно, важны не только и не столько профессиональные качества священнослужителя, сколько ценностная близость и открытость. Если выбор храма в соответствии с личностью священнослужителя относительно понятен и объясним, то другие популярные факторы значимости требуют более подробного рассмотрения, как и выше-

²²Священнослужитель, 1962 г. р.

перечисленные гипотезы. Ниже мы рассмотрим их более подробно, попробовав разобраться в генезисе последних.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХРАМА

Третий по значимости в нашем опросе фактор приходской общины мы предлагаем операционализировать через ее индикатор — социальный капитал прихожан. Под последним, апеллируя прежде всего к работам Роберта Патнэма и Пьера Бурдьё [Bourdieu 2002; Putnam 2000], мы будем понимать совокупность форм доверия и норм в сообществе, приносящих его членам выгоду и делающих возможной самоорганизацию. Социальный капитал может быть измерен через показатели доверия и степени интеграции в социальные сети сообщества, что весьма удобно для дифференциации прихожан по важному для нас критерию вовлеченности в жизнь общины. Для удобства дальнейшего анализа мы выделили три группы (кластера) прихожан по уровню социального капитала. На основании трех показателей (уровень обобщенного доверия, количество знакомых внутри прихода и частота общения с прихожанами вне храма) была проведена иерархическая кластеризация методом Уорда, выделившая три типа (кластера) социального капитала: «высокий бриджинговый», «средний бондинговый» и «низкий»²³ (см. Табл. 2). Отметим, что для всей выборочной совокупности характерен высокий уровень обобщенного доверия, существенно превышающий средние значения по стране (22,9% в 2017 году) [Inglehart et al. 2022].

Табл. 2. Характеристики типов социального капитала приходских общин московских храмов. Источник — социологический опрос автора

Tbl. 2. Characteristics of types of social capital of parish communities of Moscow Orthodox churches. Source — the author’s sociological survey

Показатель	Тип (кластер)		
	«высокий бриджинговый»	«средний бондинговый»	«низкий»
Количество респондентов	102	79	57
Уровень обобщенного доверия	59%	49%	38%
Количество знакомых в храме	65% знает большинство, 35% несколько человек	21% знает большинство, 42% знает несколько человек, 37% не знает никого	57% знает большинство, 42% знает несколько человек, 1% не знает никого
Частота внехрамового общения	75% еженедельно, 25% ежемесячно	18% ежемесячно, 82% один/несколько раз в год	7% раз в год, 93% не общается вне храма

²³Бриджинговый капитал подразумевает сочетание межличностного и обобщенного доверия и формирование открытых сообществ; бондинговый капитал — преимущественно межличностное общение с низким уровнем доверия вне круга общения и закрытость сообщества [Putnam 2000].

Кажется логичным и закономерным, что с увеличением социального капитала, то есть при росте межличностного и с появлением обобщенного доверия, с расширением числа социальных связей будет расти частота посещений и вероятность участия в деятельности общины. Проведенный нами опрос подтверждает оба тезиса: действительно, по мере накопления социального капитала растет доля людей, участвующих в социальной деятельности общины и ищущих встречи со знакомыми, друзьями и священнослужителями в храме; снижается доля прихожан, приезжающих исключительно ради молитвы и участия в богослужениях. Более 80% людей с «высоким бриджинговым» капиталом приходят на службу минимум раз в неделю, у двух других типов социального капитала частота посещения закономерно снижается.

Табл. 3. Зависимость типов социального капитала и целей посещения храма (% по столбцу, N=238). Источник — социологический опрос автора

Tbl. 3. The types of parish social capital dependence on goals of visiting the church (% by column, N=238). Source — the author's sociological survey

	«высокий бринджинговый»	«средний бондинговый»	«низкий»
Помолиться, принять участие в службе и таинствах	52%	57%	76%
Помолиться «в одиночку»	5%	7%	8%
Встретиться со знакомыми и друзьями	17%	13%	3%
Помочь в организации социальной деятельности	13%	10%	4%
Встретиться со свя- щеннослужителем	13%	15%	8%

Таким образом, использование социального капитала как индикатора интеграции в приходскую жизнь весьма продуктивно, а между социализацией в приходе и воцерковленностью существует прямая связь.

Необходимо также упомянуть про важную социальную группу — семьи с детьми. Последние посещают церковь преимущественно в воскресные дни (каждую неделю), случаи более частого/редкого посещения значительно более редки, что отличает данную группу от прочих. Вероятная причина — работа воскресных школ, разгружающая родителей и дающая возможность полноценно поучаствовать в богослужениях и жизни прихода. Семьи с детьми тратят больше времени на дорогу по сравнению с другими категориями, в то же время больше

пользуясь личным автотранспортом. По всей видимости, для данной группы удобство поездки оказывается важнее времени в пути.

СРЕДОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХРАМА

Несмотря на преобладание негеографических факторов значимости храма в нашем опросе, необходимо проверить гипотезы о значимости характеристик среды и географического положения храма при выборе храма и в территориальной организации и локализации приходских общин. Основная наша гипотеза заключалась в том, что храмы центра города за счет выгодного географического положения — благоустроенной городской среды с большим разнообразием и высокой концентрацией досуговой деятельности (скверы, рестораны, театры, музеи и пр.) — будут привлекать прихожан со всего города, в то время как в храмы окраин будут ходить преимущественно люди с соседних территорий.

С оговоркой об ограниченности нашей выборки приходов, мы фиксируем, что абсолютное большинство респондентов всех пяти храмов в центре Москвы добираются до них из других частей города, в то время как храмы в полупериферии и периферии города притягивают преимущественно людей с близлежащих территорий. Хотя и здесь часть мирян приезжает на службу с территорий, выходящих за границы диаграмм Вороного (см. *График 1*), т. е. принцип географической близости в ряде случаев нарушается и на окраине столицы. Порядка 40% прихожан центральных храмов города тратят на дорогу более 45 минут, более половины мирян — больше получаса. Места жительства этих прихожан в более чем половине случаев локализуются в отдаленных от храма районах. Более 80% представителей приходов за пределами ТТК затрачивает на дорогу менее получаса, из них больше половины добирается быстрее 15 минут; а живет абсолютное большинство последних в том же либо в соседнем районе. Также мы можем выделить небольшую группу людей (4,5%), приезжающих на службу в храмы центра из других городов (Московская агломерация). Эти люди посещают церковь не чаще раза в неделю и в половине случаев ходят в несколько приходов, т. е. периодически предпочитают храму в центре более географически близкий.

Существенные различия между храмами центра и периферии города заметны и в выборе средств передвижения: более 60% прихожан храмов на окраине города и чуть меньше 50% прихожан в полупериферии приходят на службу пешком, в отличие от прихожан центральных храмов, где такие группы респондентов минимальны либо отсутствуют. Отметим невысокую долю автомобильного транспорта в средствах передвижения во всех приходах, что, вероятно, обусловлено небольшими расстояниями до храма в периферийных районах и отсутствием бесплатной парковки в центре города.

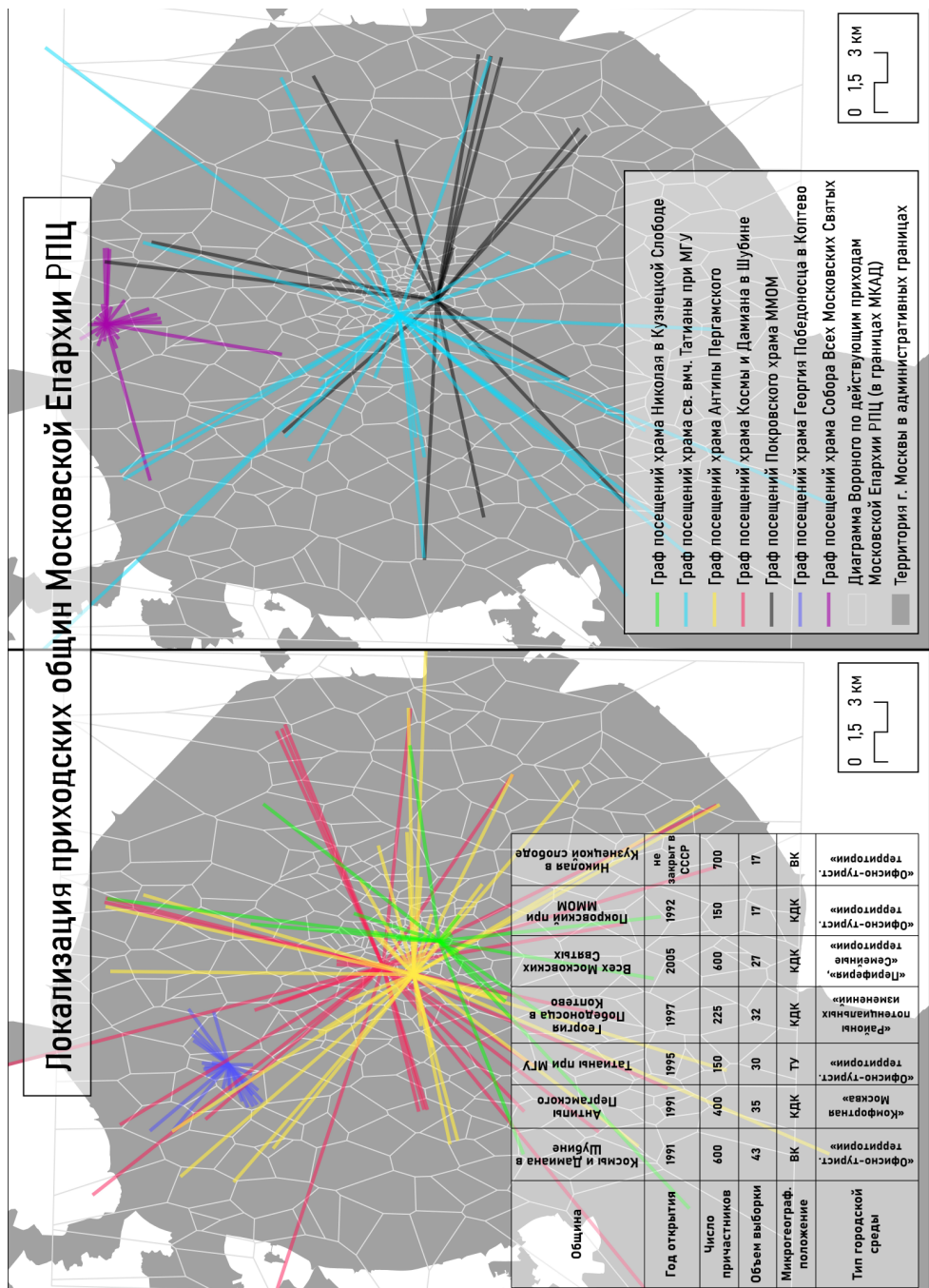

График 1. Локализация приходских общин православных храмов Москвы. Составлено автором по данным социологического опроса

Chart 1. Localization of parish communities of Orthodox churches in Moscow. Compiled by the author according to the sociological survey

Остается неясным, что именно в центральных храмах притягивает людей из удаленных частей города в отличие от окраинных приходов. Для проверки второй части нашей гипотезы необходимо исключить случайное совпадение центр-периферийной дихотомии с характером локализации приходской общины, т. е. показать валидность связи храма с окружающей его территорией. Подобная связь, вероятно, существует: 65% респондентов воспринимает территорию вокруг храма как гармонично с ним сочетающуюся, исключение — приход Собора Московских святых в Бибирево, что может быть обусловлено новизной храма (построен в 2005 году) и контрастом между монументальностью его здания и позднесоветской многоэтажной застройкой.

Несмотря на общий тренд положительной оценки окружающих храм территорий (94% позитивных ответов), мирян центральных и периферийных приходов привлекают разные вещи. Так, для прихожан храмов в центре города важны близость объектов историко-культурного наследия, непосредственно расположение церковного здания в центре столицы, покой и тишина, в то время как для прихожан храмов за пределами ТТК первостепенными качествами среды являются обилие зеленой растительности и уровень благоустройства.

Табл. 4. Распределение ответов на вопрос «Что вас привлекает в окружающем храм районе?» по храмам Москвы (% по столбцу, N=208). Источник — социологический опрос автора

Tbl. 4. Distribution of answers to the question “What attracts you in the area surrounding the church?” by Moscow Orthodox churches (% by column, N=208). Source — the author’s sociological survey

	Космы и Дамияна в Шубине	Антипы Пергамского	Татианы при МГУ	Геorgia Победоносца в Копцево	Собора Московских святых	Покровский при ММОН	Николая в Кузнецкой слободе
	Ц, ВК	Ц, КДК	Ц, ТУ	Пп, КДК	П, КДК	Ц, КДК	Ц, ВК
Центр города	24%	14%	35%	0%	0%	18%	24%
Историко-культурное наследие	56%	45%	27%	0%	5%	36%	47%
Сам храм	0%	2%	0%	9%	5%	5%	0%
Комфортность, покой, уют	3%	9%	8%	6%	5%	14%	12%
Зеленые зоны и близость реки	0%	7%	0%	50%	50%	9%	6%
Уровень благоустройства	0%	5%	3%	19%	14%	0%	0%

«Малая Родина»	6%	2%	8%	13%	5%	5%	6%
Пространство для прогулок	6%	9%	14%	0%	9%	5%	6%
Другие объекты сферы услуг	6%	7%	5%	3%	9%	9%	0%

Условные обозначения: Ц – центр города, Пп – полупериферия, П – периферия; ВК – внутри квартала, ТУ – транспортный узел, КДК – культурно-досуговый центр.

Подтверждение правильности выдвинутых предположений мы находим и в ходе экспертных интервью:

Мы очень любим это место, безусловно, не только потому что это центр Москвы, а потому, что здесь очень много действительно интересного: разные театры, другие храмы. Всякие, вот, важные места. И потому что, все-таки, центр – это всегда центр. Это означает, что люди со всего города. Как мы уже сказали, москвичи очень подвижны, поэтому бывает... В этом смысле расположение храма очень важно. Но тут и то, и другое важно. И, безусловно, успех храма делает не прежде всего местоположение²⁴.

Таким образом, центр-периферийные различия в городской среде и ее «наполнении» оказываются действительно важны, в связи с чем нахождение храма в центре столицы также имеет значение. Однако эта закономерность не столько оказывает влияние на выбор индивидом храма (хотя такое тоже возможно), сколько объясняет различия в локализации приходских общин между центром и окраинами.

Табл. 5. Зависимость частоты посещений храма и времени в пути до него (% по столбцу, N=244). Источник — социологический опрос автора

Tbl. 5. The frequency of church visits dependence on travel time to the church (% by column, N=244). Source — the author’s sociological survey

	Менее 15 минут	15–30 минут	30–45 минут	45–60 минут	Более часа
Каждый день	0%	0%	0%	2%	5%
Несколько раз в неделю	40%	32%	21%	20%	10%
По воскресеньям	46%	38%	61%	55%	48%
Несколько раз в месяц	11%	25%	14%	22%	38%
По крупным церковным праздникам // Несколько раз в год	3%	6%	4%	2%	0%

²⁴Священнослужитель, 1962 г. р.

Другой небезынтересный вопрос географического толка — есть ли связь между временем в пути до храма и частотой его посещений? Наши данные показывают, что для всех категорий удаленности (расстояние до храма в минутах пути) схожую долю занимают воскресные посещения церкви, однако при удалении храма от места жительства линейно уменьшается доля людей, приходящих туда несколько раз в неделю, т. е. можно говорить об определенной значимости временной доступности храма для «вечно куда-то спешащих москвичей». Исключение из закономерности — немногочисленные прихожане, ежедневно посещающие храм, так как они тратят на дорогу более 45 минут. Вероятно, для этой категории прихожан посещение храма является экзистенциальной частью повседневной жизни, в связи с чем экономия времени не является первостепенной задачей (см. *Табл. 5*).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХРАМА

Если два предыдущих раздела (измерения) уточняли факторы значимости, т. е. рассматривали своего рода спрос (а точнее — запрос) на храмовые услуги, то данный раздел покажет обратную сторону, также значимую при принятии решения о выборе — предложение возможных видов деятельности при храме. Рациональный и обдуманный выбор храма невозможен без анализа информации о предмете выбора, которую, учитывая уровень цифровизации Москвы (особенно после пандемии Covid-19), москвичи получают не только из собственного опыта и посредством рекомендаций от знакомых, но и с многочисленных интернет-сайтов и порталов. В этой связи православные храмы в информационном измерении мы будем рассматривать как их образ (след) в информационной среде. Главный источник информации для нас — сайты и социальные сети московских храмов и упоминания последних в СМИ.

В рамках выбранного экономического нарратива уместной кажется метафора храма как центра услуг. Для оценки образа храма в этом ключе необходимо провести детализацию самих прихрамовых услуг. Мы предлагаем делить последние на 2 категории: богослужебные (имеющие непосредственное религиозное целеполагание, удовлетворяющие религиозные потребности прихожан и подразумевающие участие в таинствах, обрядах и т. п.) и внебогослужебные (все прочие услуги, связанные с деятельностью храма, его прихожанами и священнослужителями). Как мы писали выше, храмы без богослужебной деятельности в наш анализ не входили, а качественная оценка последней во всех 412 действующих храмах Москвы не представляется возможной, в связи с чем далее мы будем анализировать только внебогослужебные услуги при храмах, которые для удобства анализа были поделены на 14 категорий.

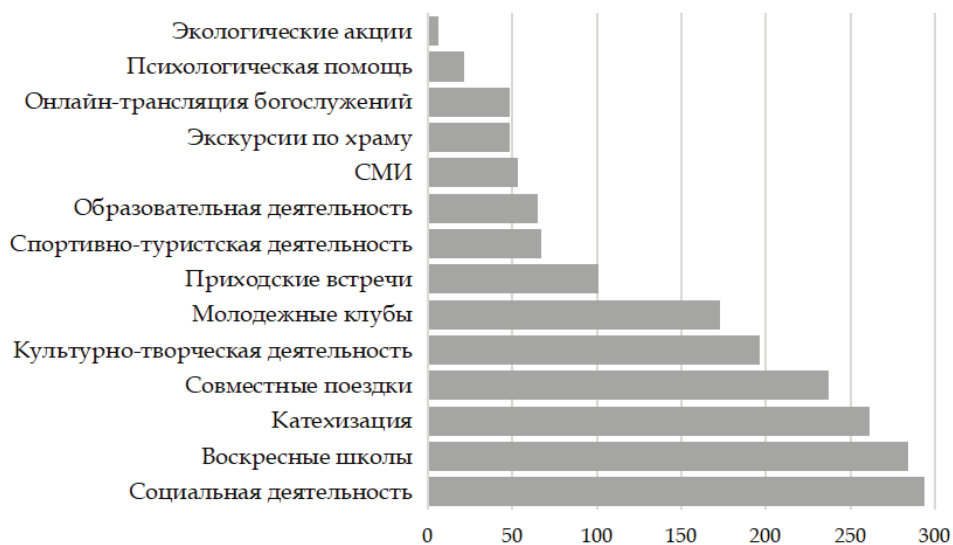

График 2. Распределение внебогослужебных прихрамовых услуг по категориям, единиц. Составлено автором по данным контент-анализа интернет-сайтов православных приходов Москвы (в границах МКАД)

Chart 2. Distribution of non-liturgical services by categories, units. Compiled by the author based on the content analysis of the websites of the Orthodox parishes of Moscow (within the boundaries of the Moscow Ring Road)

Абсолютное большинство приходов (84%, см. *График 2*) обеспечены как минимум одной категорией внебогослужебных услуг. Оставшиеся храмы либо не имеют таковых, либо не имеют интернет-сайта/группы в социальных сетях. Социальная деятельность, воскресные школы, катехизация и совместные поездки (экскурсии и паломничества) встречаются более чем в половине приходов и часто представлены в одном храме одновременно. Зачастую с ними вместе существует молодежная община или клуб, формируя своего рода «джентльменский набор» внебогослужебных услуг московских храмов. Также во многих храмах представлены киноклубы и театральные студии, помощь нуждающимся и людям с зависимостями, «борьба с сектантством» (нередко под ним понимаются другие религии, в том числе мировые). В 2022 году существенное распространение получили плетение маскировочных сетей прихожанами и сбор гуманитарной помощи для украинских беженцев, жителей зоны проведения СВО и солдат российской армии. Среди неординарных и уникальных видов внебогослужебных услуг при храмах следует упомянуть разговорные клубы иностранных языков, юридическую и психологическую помощь, службы с сурдопереводом для глухонемых прихожан, кружок садоводства, благотворительные пробежки, обучение дайвингу, православные антикафе и создание собственной линии одежды с символикой храма. Таким образом, скрытая от многих (в особенности неверующих и невоцерковленных) внебогослужебная жизнь храмов в последние годы осваивает новые ниши, интегрируя сообщества воцерковленных православных

москвичей в традиционно считающиеся светскими виды досуга вроде просмотра кинофильмов или изучения иностранных языков. Тем самым практически «невидимое» в общественном и медийном полях меньшинство (первые проценты) воцерковленных православных сообществ (в особенности — молодежных) постепенно нарушает и сдвигает границу между светским и сакральным, что в будущем может иметь потенциал при конверсии людей, близких подобным, на первый взгляд, абсолютно секулярным практикам.

Постепенная, малозаметная экспансия «религиозного» в мир традиционно профанного происходит также в интернет-пространстве. Процесс цифровизации сектора услуг в значительной мере затронул и РПЦ. Абсолютное большинство православных храмов Москвы в наши дни имеют интернет-сайты, многие ведут группы в социальных сетях (преобладают «ВКонтакте» и Telegram), в крупных общинах заводятся чаты в мессенджерах (преобладают WhatsApp и Telegram), причем нередко для каждой группы по интересам внутри приходской общины — свои. Происходит цифровизация как богослужебных, так и внебогослужебных услуг храмов: на сайтах части из них есть возможность подать записки и поставить свечи online, часть приходов предлагает услугу виртуальной экскурсии по храму, позволяющей осматривать внутреннее пространство храма на сайте и перемещаться по нему. Широкое распространение во время пандемии Covid-19 получили видеотрансляции богослужений. Пример эволюции подобной новации иллюстрирует цитата из экспертного интервью:

Трансляцию мы начали во время коронавируса, потому что, именно, когда патриарх Кирилл, если помните, сказал, что я всю жизнь и всем говорил, как это важно — посещать храм, а сейчас я вынужден ко всем вам обратиться и сказать: оставайтесь дома. И мы тоже своим прихожанам очень советовали, когда был пик коронавируса, точнее, еще до пика, и потому мы начали трансляцию, чтобы наши люди могли видеть родной храм, родных священников, услышать Слово Божие, но, к сожалению, вот, из дома. И это, вы знаете, сыграло чрезвычайно важную роль. Если в такой общине, где по воскресеньям по 700 человек в одном пространстве — это могло бы быть.... просто катастрофа. Поэтому на самом деле когда была первая волна — никто не заболел, кроме духовенства. Мы все заболели, все. Священники, дьяконы. Но из прихожан — никто. Из такой огромной общины! И это благодаря тому, что мы очень много говорили, что нет, лучше пока воздерживаться, пока лучше смотреть трансляцию. Потом все прошло, а трансляция осталась, потому что сейчас, по совершенно другим причинам: у нас есть прихожане, которые живут, допустим, совершенно в другой стране. Но они тоже имеют возможность смотреть и участвовать на расстоянии. <...> Ну, 2–3 года назад, писали письма: как здорово, что есть трансляция, что мы можем увидеть родной храм. Некоторые люди живут уже не здесь, в эмиграции, так скажем. И за них мы тоже несем какую-то ответственность, потому что мы их знаем, так скажем... И поэтому трансляция продолжается²⁵.

²⁵ Священнослужитель, 1962 г. р.

В 2023 году 48 московских храмов вели аудио- и/или видеотрансляции богослужений на портале YouTube и в других источниках, причем эти видео смотрят как в прямом эфире, так и потом, в записи. Так, в храме Космы и Дамиана в Шубине через сутки после окончания богослужения его видеозапись набирает в 10 раз больше просмотров, чем во время online-трансляции. Часть храмов не транслирует богослужения, но производит записи воскресных проповедей, выступлений воскресных школ и др. Таким образом, цифровизация части прихрамовых услуг Москвы — активно идущий процесс, расширяющий круг потенциальных пользователей, в том числе за счет экстерриториальности, для некоторых ставшей частью повседневной жизни и нормальной после пандемии, а для кого-то являющейся единственной возможностью присоединиться к религиозным практикам конкретного храма.

Небезынтересно географическое распределение внебогослужебных услуг в разных районах и частях столицы. Для сравнительного анализа мы адаптировали для городских исследований метод анализа социально-культурного потенциала:

$$\text{Социально — культурный потенциал района} = \sum_i \frac{\text{Доля услуги}_i \text{ в муниципалитете}}{\text{Доля услуги}_i \text{ в городе}}$$

Распределение социально-культурного потенциала по районам Москвы весьма неравномерное. Максимальные значения показывает Тверской район за счет большей концентрации храмов с разнообразным набором услуг, другие центральные районы (за исключением северо-востока) Москвы также имеют высокие значения показателя в силу исторически обусловленной высокой плотности храмов. Логичным кажется предположение, что в наибольшей степени внебогослужебными услугами будут наиболее обеспечены центральные и наиболее густонаселенные районы города.

Однако прямой связи между удаленностью от центра и концентрацией внебогослужебных услуг нет (см. *График 3*). Несмотря на преобладание высоких значений и максимума в районах центра, высокие значения встречаются и в других частях города, в том числе на окраине. Так, показатели Кунцево и Раменок близки к Хамовникам, в то время как расположенные в центре Мещанский и Красносельский районы проигрывают многим периферийным. Отсутствует и прямая связь с плотностью населения: наиболее густонаселенные северные, южные, юго-восточные районы Москвы имеют относительно низкие значения социально-культурного потенциала, а районы центра с относительно низкой плотностью населения занимают лидирующие позиции в рейтинге по рассматриваемому показателю. В ряде случаев показатели плотности населения и внебогослужебных услуг инверсивны по отношению друг к другу.

Таким образом, территориальная локализация внебогослужебной деятельности не подчиняется закономерностям, характерным для локализации приходских общин и других, не связанных с религией ви-

Социально-культурный потенциал внебогослужебных прихрамовых услуг по районам г. Москвы (в границах МКАД)

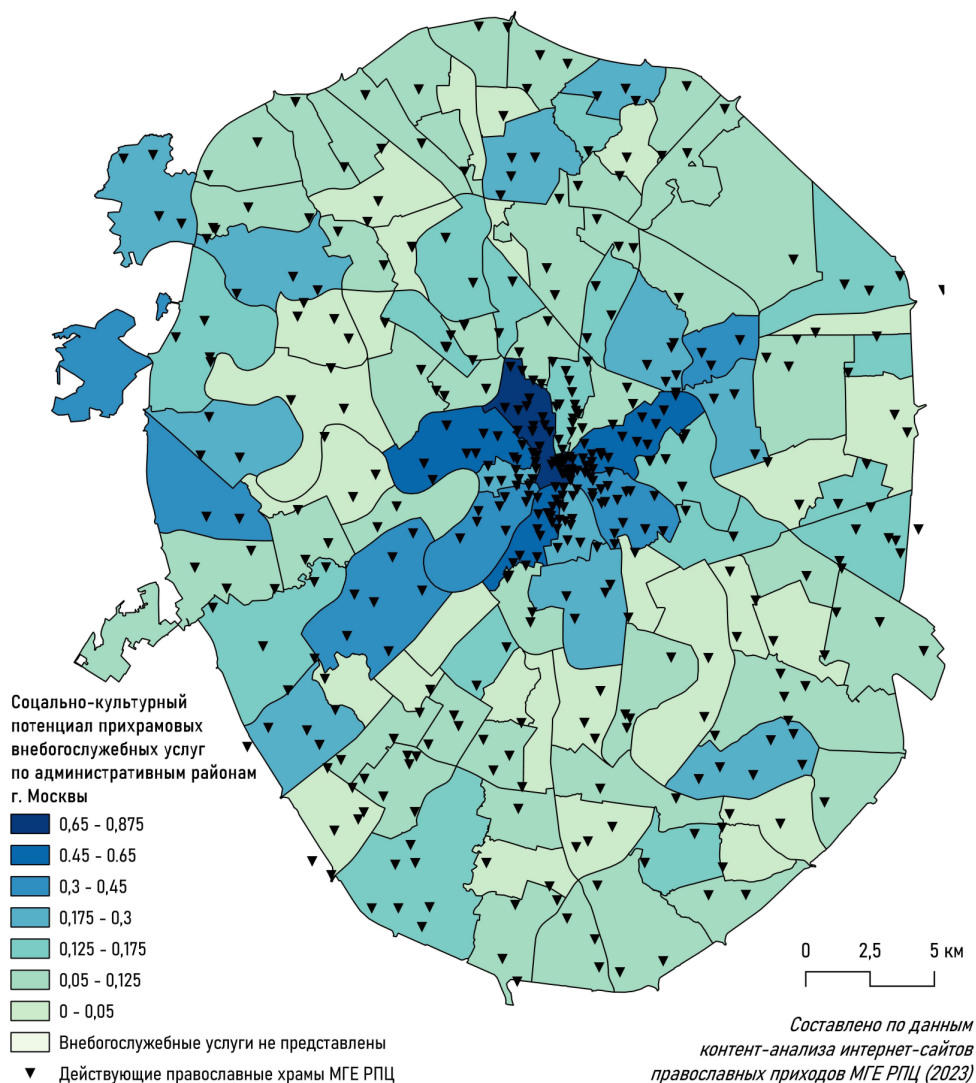

График 3. Социально-культурный потенциал внебогослужебных услуг московских храмов по районам Москвы. Составлено автором по данным контент-анализа интернет-сайтов православных приходов Москвы (в границах МКАД)

Chart 3. Socio-cultural potential of non-liturgical services of Moscow churches by districts of Moscow. Compiled by the author based on the content analysis of the websites of Orthodox parishes of Moscow (within the boundaries of the Moscow Ring Road)

дов услуг. Высокие значения показателя в центре Москвы чаще всего обусловлены продолжительной историей приходской общины (например, храмы-наследники Катакомбной церкви), ролью личности в истории, институциональной спецификой храма (храмы при посольствах, университетах и т. п.). Так, храмы Китайского или Американского подворья концентрируют разнообразные услуги, в том числе неординарные (например, языковые школы); в храмах при вузах проводятся лектории и другие светские мероприятия. Разнообразие внебогослужебных услуг храмов в других частях города нередко связано с наличием свободных площадей (например, Покровский в Ясенево или храм Собора Московских святых в Бибирево) и активной, инициативной деятельностью общины и/или священнослужителя (например, храм Антипы Пергамского или храм Николая Мирликийского у Соломенной сторожки).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбирая храм, православные москвичи руководствуются не только и не столько характеристиками самого храма и религиозной составляющей его бытия, сколько качествами социальной жизни прихода (от ценностной близости и доверия со стороны священства и прихожан до поиска партнера в личной жизни) и, во вторую очередь, географическим положением. Именно ради производных от социальных практик атмосферы, приходских традиций и пр., равно как и ради самих этих практик, москвичи готовы тратить время на дорогу, несмотря на существование храма в шаговой доступности. Это отражает сформулированный Л. В. Смирнягиным сдвиг от «местоположения к месту» [Смирнягин 2016], который, как мы видим, характерен не только для производственной, но и для духовной сферы жизни москвичей.

Другой пласт, вскрытый в процессе исследования — территориальная организация приходских общин и дифференциация внебогослужебных прихрамовых услуг, где многое объясняется «центральностью» положения и соответствующей городской средой. Так, именно в храмы центра стекаются люди со всего города, там же концентрируются разнообразные виды прихрамового досуга, хотя концентрация и разнообразие последнего напрямую не зависит ни от географического положения, ни от плотности населения, но зачастую определяется институциональной историей и фактором личности. В то же время приходы на окраине города оказываются ближе к привычной модели локализации общин по территориальному принципу, что отличает их от фактически экстерриториальных приходов центра столицы.

Таким образом, даже наше поверхностное погружение в жизнь православных храмов Москвы открывает новые направления и возможности для будущих исследований. Социальная, культурная, ино-

гда — даже политическая жизнь приходов в широком смысле слова активно внедряется во все новые ниши, перепроводя привычную и, казалось бы, незыблемую границу между профанным и религиозным в городе. Несмотря на численно не меняющиеся на протяжении лет ~3% воцерковленного населения, активно идущее строительство храмов и развитие новых видов внебогослужебной деятельности, в том числе в цифровом формате, свидетельствуют о потенциальном нарастании темпов этих изменений, и именно храмы как места сосредоточения мотивированного верой действия и точки сборки могут оказаться своего рода естественными лабораториями для их фиксации и изучения.

Литература

- Бурдые, П. (2002). Формы капитала. *Экономическая социология*, 3(5), 60–74.
- Вирт, Л. (2016). *Урбанизм как образ жизни*. М.: Strelka Press.
- Давыдова, А. С. (2014). Храм «Под звездами» или «На перекрестке»? Церковь как часть культурного пространства в городе «Атомщиков». *Труды Кольского научного центра РАН*, 6(25), 136–146.
- Давыдова, А. С. (2016). Церковь в культурном пространстве малого арктического города. *Труды Кольского научного центра РАН*, 3(37), 145–152.
- Забаев, И. В., Пруцкова, Е. В. (2012). Община православного храма: пространственная среда обитания и факторы формирования (на возвышение г. Москвы). *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия, Религиоведение*, 2012(41/3), 57–67.
- Забаев, И. В., Пруцкова, Е. В. (2013а). Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*, 2013(48/4), 120–136.
- Забаев, И. В., Пруцкова, Е. В. (2013b). Факторы формирования общины на основе прихода православного храма в начале XXI века. По данным опроса священнослужителей, социальных работников и активных прихожан храмов г. Москвы. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 2013(1), 104–125.
- Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. М.: Strelka Press.
- Мухтасаров, Т. (2017). Храм в городском социальном пространстве: типология научных подходов. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2017(4/35), 276–298.
- Пузанов, К. И., Степанцов, П. М. (2015). *Механика Москвы. Исследование городской среды*. М.: ГАУ г. Москвы «МИСКП».
- Саратовская, Ю. Э. (2000). *Размещение и композиционная роль церковных комплексов в современных градостроительных условиях*: автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва.
- Смирнягин, Л. В. (2016). Эволюция места в ходе «Производства пространства». В О. Ю. Малинова и др. (Ред.). *Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 4: Социальное конструирование пространства*, 84–105. М., 2016.
- Bratton, S. P. (2016). *ChurchScape: Megachurches and the iconography of environment*. Waco, TX: Baylor University Press.
- Cesari, J. (2005). Mosque conflicts in European cities: Introduction. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31(6), 1015–1024.
- Dunn, K. M. (2005). Repetitive and troubling discourses of nationalism in the local politics of mosque development in Sydney, Australia. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2005(23), 29–50.

- Dwyer, C., Gilbert, D., Shah, B. (2013). Faith and suburbia: Secularisation, modernity and the changing geographies of religion in London's suburbs. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 38(3), 403–419.
- Harvey, D. (2009). *Social justice and the city*. Athens: University of Georgia Press.
- Huxley, J. S. (1955). Guest editorial: Evolution, cultural and biological. *Yearbook of Anthropology*, 1955, 2–25.
- Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. (Eds.). (2022). *World values survey: All rounds – country-pooled datafile*. Madrid, Vienna: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. Dataset Version 3.0.0.
- Isin, E. F., Siemiatycki, M. S. (2002). Making space for mosques: Struggles for urban citizenship in diasporic Toronto. In S. H. Razack (Ed.). *Race, space and law, unmapping a white settler society*, 185–209. Toronto: Between the Lines Press.
- Kong, L. (1993). Negotiating conceptions of “sacred space”: A case study of religious buildings in Singapore. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 18(3), 342–358.
- Kong, L. (2002). In search of permanent homes: Singapore's house churches and the politics of space. *Urban Studies*, 39(9), 1573–1586.
- Kuppinger, P. (2014). Mosques and minarets: Conflict, participation, and visibility in German cities. *Anthropological Quarterly*, 87(3), 793–818.
- Ley, D. (2008). The immigrant church as an urban service hub. *Urban Studies*, 45(10), 2057–2074.
- Putnam, R. (2000). *Bowling alone: Collapse and revival of American community*, New York: Simon and Shuster Paperbacks.

References

- Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Economic sociology*, 3(5), 60–74. (In Russian).
- Bratton, S. P. (2016). *ChurchScape: Megachurches and the iconography of environment*. Waco, TX: Baylor University Press.
- Cesari, J. (2005). Mosque conflicts in European cities: Introduction. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31(6), 1015–1024.
- Davydova, A. (2014). Temple “Under the Stars” or “At the crossroads”? The Church as part of the cultural space in the city of “Atomschikov”. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 6(25), 136–146. (In Russian).
- Davydova, A. (2016). The Church in the cultural space of the small Arctic city. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3(37), 145–152. (In Russian).
- Dunn, K. M. (2005). Repetitive and troubling discourses of nationalism in the local politics of mosque development in Sydney, Australia. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2005(23), 29–50.
- Dwyer, C., Gilbert, D., Shah, B. (2013). Faith and suburbia: Secularisation, modernity and the changing geographies of religion in London's suburbs. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 38(3), 403–419.
- Harvey, D. (2009). *Social justice and the city*. Athens: University of Georgia Press.
- Huxley, J. S. (1955). Guest editorial: Evolution, cultural and biological. *Yearbook of Anthropology*, 1955, 2–25.
- Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. (Eds.). (2022). *World values survey: All rounds – country-pooled datafile*. Madrid, Vienna: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. Dataset Version 3.0.0.
- Isin, E. F., Siemiatycki, M. S. (2002). Making space for mosques: Struggles for urban citizenship in diasporic Toronto. In S. H. Razack (Ed.). *Race, space and law, unmapping a white settler society*, 185–209. Toronto: Between the Lines Press.
- Kong, L. (1993). Negotiating conceptions of “sacred space”: A case study of religious buildings in Singapore. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 18(3), 342–358.
- Kong, L. (2002). In search of permanent homes: Singapore's house churches and the politics of space. *Urban Studies*, 39(9), 1573–1586.

- Kuppinger, P. (2014). Mosques and minarets: Conflict, participation, and visibility in German cities. *Anthropological Quarterly*, 87(3), 793–818.
- Ley, D. (2008). The immigrant church as an urban service hub. *Urban Studies*, 45(10), 2057–2074.
- Mukhtasarov, T. (2017). The Temple in the urban social space: a typology of scientific approaches. *State, religion, church in Russia and abroad*, 2017(4/35), 276–298. (In Russian).
- Putnam, R. (2000). *Bowling alone: Collapse and revival of American community*, New York: Simon and Shuster Paperbacks.
- Puzanov, K., Stepanov, P. (2015). *Mechanics of Moscow. Urban environment research*. Moscow: Moscow Institute of Social and Cultural Programs. (In Russian).
- Saratovskaya, Yu. (2000). *Placement and compositional role of church complexes in modern urban conditions*: abstract. dis. ... candidate of architectural sciences. Moscow. (In Russian).
- Simmel, G. (2018). *Big cities and spiritual life*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Smirnyagin, L. (2016). Evolution of Place in context of the “production of space”. In O. Malinova et al. (Eds.). *Symbolic politics. Issue 4: Social construction of space*, 84–105. (In Russian).
- Wirth, L. (2016). *Urbanism as a way of life*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Zabaev, I., Prutskova, E. (2012). The community of the Orthodox church: spatial habitat and factors of formation (to the elevation of Moscow). *St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy*, 2012(41/3), 57–67. (In Russian).
- Zabaev, I., Prutskova, E. (2013). The social network of the Orthodox parish community: the possibilities of applying the analysis of social networks in the sociology of religion. *St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy. Religious studies*, 2013(48/4), 120–136. (In Russian).
- Zabaev, I. V., Prutskova, E. V. (2013). Factors of the formation of a community based on the arrival of an Orthodox church at the beginning of the 21st century. According to a survey of clergy, social workers and active parishioners of churches in Moscow. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2013(1), 104–125. (In Russian).